

ЮРИЙ
МАМЛЕЕВ

ПОСЛЕ
КОНЦА

Юрий Мамлеев

После конца

«ЭКСМО»

2011

Мамлеев Ю. В.

После конца / Ю. В. Мамлеев — «Эксмо», 2011

Роман Юрия Мамлеева «После конца» – современная антиутопия, посвященная антропологической катастрофе, постигшей человечество будущего. Люди дружно мутируют в некий вид, уже не несущий человеческие черты. Все в этом фантастическом безумном мире доведено до абсурда, и как тень увеличивается от удаления света, так и его герои приобретают фантазмагорические черты. Несмотря на это, они, эти герои, очень живучи и, проникнув в сознание, там пускают корни и остаются жить, как символы и вехи, обозначающие Путеводные Знаки на дороге судьбы, опускающейся в бездну. Русская готика Мамлеева не боится аллюзий. Мы проходим круг за кругом нового ада, и там, за поворотом сюжета, автор в милосердной молитве просит Создателя помиловать отпавшее человечество. Может быть, и тщетно...

© Мамлеев Ю. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юрий Мамлеев

После конца

Часть первая

Глава 1

Валентин Уваров почувствовал, что сошел с ума. Удар в сознание, а дальше – непонятно, наверное, никому на свете, что с ним произошло. Легче принять смерть, чем это. А ведь он был в жизни своей (Валентину исполнилось недавно 30 лет) весьма и весьма глубинен, много читал, общался в самых потаенных московских кружках, которые существовали в начале нашего XXI столетия...

Наконец Валентин огляделся. «Оглядеться никогда не мешает», – подумалось где-то за пределами ума. Но куда смотреть – в себя или вокруг? Валентин взглянул вокруг. Милый лесок с невинными птичками, поляна в цветах – все исчезло, как будто их всех сдунула незримая, но высшая сила...

Оглянувшись, все-таки Валентин понял, что лучше заглянуть в самого себя. Там уже почти прошло ощущение глобального сдвига, и из океана неопишемого вполне проглядывала его полузагадочная, но привычная личность. Да, это был он. Личность осталась.

А вдали и вокруг творилось нечто действительно неопишемое, и не только с точки зрения здравого смысла.

Откуда взялись эти дикие, людоедские, если интуитивно взглядеться, деревья? С их ветвями, обращенными вверх, словно с мольбой о милосердии?

Над головой – черное небо, но почему-то светящееся, словно тьма может излучать свет. Свой свет мрака!

Но была ли ночь?! Вдали на горизонте что-то пылало багровым, по-человечески живым пламенем! Слово люди превратились в огонь.

А земля? По ней и ступать было страшно. Она путалась, шипела под ногами, как змея. Недобрая это была земля.

«Все ясно, – решил Уваров. – Я на самом деле сошел с ума. Все, что я вижу, – мираж, невиданная самим дьяволом галлюцинация. Что делать?»

Уваров вдруг сам зашипел.

«Если я сошел с ума, то все позволено, – попытался успокоить он сам себя. – Иди, Валя, вперед. Видишь дорожку?! Ну и иди по ней, будь она самой проклятой черной галлюцинацией. Иди по ней».

Дорожка и вправду не путалась, виделась, как на балу. Хоть танцуй, хоть беги.

И Уваров побежал. Скорей, скорей, чтоб мираж исчез. «От бега и на душе легче», – подумал он, ни о чем не думая. А внутри что-то стучало: «Это смерть, Валя, но смерть вторая, самая страшная. – «А за что?» – «Да ни за что. Просто так». – «Такое не бывает». – «На белом свете и правда не бывает, а вот у нас, Валя, это как правило», – прозвучало что-то внутри.

Уваров попробовал унять, усмирить душу и все, что в ней оказалось, словно это была не душа, а вселенский мешок. Но тут кто-то его укусил.

Слава богу, это был человек. Скорее не человек еще, а дитя, маленькое, юркое и не по росту бесшабашное.

На Уварова смотрели детские глаза, но что-то в них было подозрительное и, мягко говоря, совсем не детское.

– Ты чего кусаешься? – тупо спросил Уваров. Дитя в ответ дико заверещало непонятно что и вдруг вцепилось Уварову прямо в брюки, в член. Уваров инстинктивно защитился и увидел на миг глаза ребенка, полные ненависти и, кажется, наслаждения, которому нет конца.

В ужасе Валентин отбросил ребенка и опять побежал. Но куда бежать? На горизонте – пылающий мрак, силуэты причудливых зданий, словно растворяющихся в воздухе. «Мираж» не исчезал, а Уваров все бежал и бежал.

Наконец остановился – не стало сил. Мальчик оставался далеко позади, но упорно приближался, точно заведенный...

Уваров начал молиться, но с ужасом почувствовал, что слова молитвы падают в пустоту, словно это пространство не принимало молитв.

И внезапно – рев машины. На дороге оказалось нечто похожее на автомобиль, точнее, бронированный вездеход дикой формы. Из него выскочили четверо низкорослых, но коренастых мужчин, видимо хорошо вооруженных. Чем – Уваров не понял. Они злобно, резко направились к нему. Подскочил и мальчишка. Один из мужчин ударил его кулаком в голову, и ребенок отлетел в канаву. Другой – подошел и изнасиловал его, мужчины же стояли и поджидали насильника. Валентин тоже стоял. Изнасиловавший быстро вернулся, а мальчишка как ни в чем не бывало выглянул из канавы и все смотрел и смотрел.

Вооруженные люди подошли к Уварову, что-то прошипели на совершенно незнакомом языке, если это вообще был язык.

Они впихнули Уварова, находящегося почти в сомнамбулическом состоянии, в машину и поехали.

... Уваров очнулся, надеясь на конец сновидения. Не тут-то было. Один из вооруженных дал ему по зубам и вывел из машины на свет...

То был город с пугающими своей странностью домами: люди, которых, наверное, можно было бы назвать полицейскими, схватили Уварова за шиворот и ввели в здание. Он опять потерял сознание, память и ум, но вооруженные не обратили на это внимания.

Уваров очнулся, когда был уже на сцене – сооружение, во всяком случае, напоминало сцену. А вокруг – не зрительный зал, а нечто хаотичное. Стулья стояли не рядами, а где попало, и множество крайне низкорослых людей сидели, лежали на полу, стояли, подпрыгивали тоже где попало. Одежда их, однако, была проста. При всем ее разнообразии – ничего лишнего.

Рядом с Уваровым стоял человек и что-то говорил, по-видимому, в микрофон на том же невообразимом языке и указывал на Уварова. Позади говорящего – охранники, почему-то с цепями.

До Уварова наконец дошло, что никакая это не галлюцинация, не черный мираж, не выжившее из ума сновидение, материализовавшееся каким-то образом, перед ним – так называемая реальность.

Было о чем задуматься. И кровь текла изо рта лишь чуть-чуть реально, видимо, повредил зуб. Тогда Уваров закричал. Кричал он громко, путая русские, английские и французские слова. Все слушали его, не мешая.

Он кричал о том, что можно не верить в Бога, но надо, по крайней мере, уважать любое живое существо, если у него есть глаза, которые смотрят и видят мир.

После его сумбурной, почти безумной речи воцарилось молчание.

Человек рядом опять заговорил, а двое охранников подошли поближе к Уварову. И внезапно люди точно сорвались с места. Уваров только хотел крикнуть, что он не с Луны свалился, но не успел. Кругом завывали, завизжали, но в основном прыгали назад и вперед, некоторые приплясывали, другие просто совокуплялись на глазах у окружающих. Но вокруг стоял хохот. Многие указывали пальцами на Уварова и давились от хохота, но как-то неестественно и пугающе. Некоторые подбегали совсем близко к Уварову, и Валентина шатало от их взглядов, бессмысленно-трупных.

Активность толпы вдруг затихла. Даже совокупляющиеся расцепились и пришипелись. Вошли люди в темно-синей форме, подтянутые, но свирепые от избытка своих полномочий. Они подошли к Уварову и отшвырнули оратора, стоящего рядом с ним. Охранники исчезли. Полномочные вежливо-жестко подхватили Уварова и увели его. Длинными подземными коридорами, темными, как ночь, его провели в огромную полупустую комнату. В центре ее, в кресле, под чучелом невиданной громадной птицы, напоминающим скелет птеродактиля, сидел худой, благообразный на вид старик. Рядом с ним, на стуле, сидел, как изваяние, другой старик, напоминающий большую гадливую кошку. Он раскрыл рот и жестом дал знать Уварову, чтоб он говорил.

Валентин заявил, что он просит доставить его в российское посольство, и повторил свое высказывание несколько раз, то спокойно, то истерично.

Гадливый старичок, видимо, ничего не понял, он лишь внимательно прислушивался к звукам. Потом что-то шепнул на ухо своему отрешенному, как мумия, начальнику. Тот дал указание пальцем.

Старичок подскочил к Уварову и стал его ощупывать и обнюхивать. Прошелся по спине, по заднице, дернул за член, и лицо его выражало полное изумление.

Валентин посмотрел ему в глаза, гадливый старичок улыбнулся, но в его круглых, как луны, глазах проблеснул патологический ужас. Отскочил и, обернувшись к мумиеобразному начальнику, что-то заверещал. Тот наконец ответил – тихо, но грозно. Стражники схватили Уварова, накинули на него ошейник и вывели во двор. Там стояла сигарообразная, серебристого цвета машина, и Уваров, решивший ни о чем не думать, кроме смерти, оказался в ней.

Машина двинулась. Стражники с ничего не выражающими лицами сели рядом. Один из них шумно испустил непристойный звук, никто не пошевелился.

Валентин вглядывался в окружающий мир, надеясь найти в нем что-то знакомое. Ничуть. Этот мир поражал своей агрессивной мертвенностью. Облака, тучи нависали необычно низко, заслоняя собой бездонную голубизну неба.

Лес походил на живое существо, пораженное предсмертной агонией. Пробежал зверек, словно сошедший с ума.

– И непонятно даже, – пробормотал Валентин, – что сейчас, день или ночь. Может быть, здесь день превращен в ночь, а ночь в день.

Он попытался помыслить рационально, прийти в себя. Во-первых, он жив, а следовательно, жива в нем и вера в Бога. Во-вторых, он попал неизвестно куда, но ведь на свете могут происходить вещи, которые не снились не только философам, но и всем людям, вместе взятым, включая так называемых ученых. В-третьих, если его убьют – это не катастрофа, все умирают и продолжают жить иной жизнью, как и сказано во всех Откровениях. Только не надо задавать себе истерических вопросов: Что это за мир? Где он? Что означают эти люди?.. Рано или поздно это выяснится само собой.

Валентин взял себя в руки. Это был весьма приятный светловолосый человек, глаза зеленые, умные... В конце концов, он недаром вживался в эзотерические, пусть даже скорее полужезотерические московские круги. Писал стихи, которые встречали глубокий отклик, переводил любопытные книги.

«Самое главное сейчас – не сойти с ума, – подумал Валентин. – Как тот зверек, что пробежал под землю мимо...»

Но не сойти с ума оказалось трудным делом. Ум настолько расшатался от всего увиденного, что Валентину казалось – еще немного, и ум полетит в бездну, и что возникнет вместо ума, одному Богу известно. Ум висел над пропастью, из которой нет возврата...

А машина мчалась и мчалась.

Внезапно – стоп, приехали. Уварова вытолкали наружу. Перед ним было нечто вроде крепостной стены, уходящей вдаль, в бесконечность. Но в стене оказались ворота. Они мед-

ленно открылись. Валентин ожидал увидеть там нечто чудовищное, вроде спрута, пожирающего самого себя, но за стеной виднелась дорожка, поляна, кустарники, деревья... Охранники ввели Уварова внутрь. У ворот стояла молчаливая стража.

Во время поездки Валентина больше всего угнетало молчание. Молчали не только охранники, молчало все: природа, деревья, небо, весь мир. Автомобиль и тот ехал бесшумно. Мир вокруг молчал так, как будто его уже не существовало. Зловещее это было молчание...

Охранники повели Валентина по дорожке. Шли недолго – минут пятнадцать, если считать по-нашему, и наконец Валентин увидел небольшой одноэтажный домик. Словно дача какая-то. Охранники указали ему на домик, а сами неожиданно повернулись и пошли назад. Валентин оцепенел, но ему ничего не оставалось, как идти к домику.

«Пространство все это, видимо, окружено стеной, – подумал он. – Да и куда идти? Только к домику». Валентин огляделся. Как ни странно, природа здесь оказалась как-то чуть-чуть человечней, немного мягче, что ли. Он побрел к домику, один, в своем легком летнем костюмчике, купленном в Питере... Но опасность сумасшествия не сходила. Окна домика были открыты, и вдруг он услышал такое, отчего холод прошел по спине. Он почувствовал, что сердце вот-вот разорвется.

Слышал он пение: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан, не входи, родимая, попусту в изъян...» Пела женщина, на чистом русском языке. Потом открылась дверь, и на пороге появилась девушка в народном русском одеянии. На ее голове красовался кокошник.

Если можно сойти с ума дважды, сначала один раз, а потом еще один, вглубь безумия, – то именно в таком состоянии застыл Валентин. Но второе безумие было уже блаженным.

Глава 2

– Мама, мама, еще один! – закричала девушка в глубину дома. – Он русский, наш, сразу видно!

На ее зов вышли пожилые люди, женщина и мужчина, лет пятидесяти, может быть, тоже в народной одежде, похожей на ту, которую носили в XIX веке. Они остолбенело смотрели на Валентина. Но девушка решительно и неожиданно подбежала к нему.

– Не бойсь, – тихо сказала она. – Здесь свои. Никто тебя не обидит. Идем в дом.

– Где я? – спросил Валентин.

– В аду, – ответила девушка. – Но здесь наше пристанище, и тут не ад, а русский дом.

Валентин твердил про себя только одно: «Я не сошел с ума, я не сошел с ума... Господи, помилуй...»

Девушка улыбнулась и вслух произнесла:

– Господи, помилуй... Идем, будешь нам родным.

«Если принимать зло как факт, то и благо надо принимать так же», – мелькнуло в уме Валентина. Улыбка девушки, ее лицо сразу ввело Валентина в очистительный транс. На глазах его появились слезы, он готов был разрыдаться.

«Только бы это не оказалось сном, пусть то, что было раньше, будет сном, но только не это», – молниеносно подумал он. Губы его дрожали. Тем временем подошли пожилые люди. Мужчина сразу представился:

– Потапов Иван Алексеевич. Родился в одна тысяча восемьсот десятом году в Костроме. А ты, сынок, откудова?

Уваров чуть не упал, но возразить не посмел. «Или я ослышался, или он сумасшедший, – подумал он. – А может, шутит...» В ответ он только развел руками.

– А я Полина Васильевна, – добродушно сказала женщина. – Родилась в одна тысяча восемьсот двенадцатом, при пожаре Москвы, при Наполеоне, Антихристе... А это дочка наша, Даша. Ей всего семнадцать лет.

«Не возражать, не кричать, не топтать ногами, – решил про себя Валентин. – Ведь они добрые», – и, повинувшись доброте хозяев, пошел в дом.

– Тебя как зовут? Ты отколь? – спросил Иван Алексеевич, когда они подходили к дому.

– Валентин я, из Москвы.

– Святое место, – тихонько вздохнула Полина Васильевна.

– Маменька, смотри, он сам не свой, пожалей его, – спохватилась девушка. – Легко ли, попасть в ад...

– Обогреть тебя надо, обласкать, Валентин, – согласилась Полина Васильевна.

– Главное, ничего не бойся, – добавил сам Потапов. – Мы православные и при жизни всегда все соблюдали, людей и Бога любили, а попали сюда, потому что Господь захотел испытать наше терпение, а не потому что мы какие-то там прихвостни врага человеческого... И ты тоже такой, по лицу видно – душа у тебя добрая...

Так, за беседашкой, они вошли в дом. Прошли в комнату, где все было просто и как положено. Самодельные иконки в углу, белая скатерть на столе, стулья, шкаф. До крестьянской избы, конечно, не дотягивало, но в целом Валентин почувствовал: здесь покой и нормальность.

Расселись за столом.

– Мы люди простые, из бедных дворян. Когда сюда попали – обомлели, плакали целыми днями. Кругом черти, да еще в человеческом обличье. Визжат, кусаются, творят такое – слов нет. Перед иконами стыдно говорить. Мы думали: за что же души наши погублены, за что? – рассказывал Иван Алексеевич. – Но молитва помогла. Молились мы втроем – и, наконец, Господь сподобил, осветил нас Словом Своим. Во сне разум мой освежился, и сказано было мне,

чтоб я, мы все терпели, а души наши спасены будут по воле Божьей. Для Бога и ад не крепость. С тех пор лучше нам стало.

– А как вы сюда попали?

– Как, как... Шли втроем по бережку, потом по леску, грибы собирали. Солнышко светило ласково... И вдруг сила нечеловеческая, вестимо, бросила нас сюда...

Между тем Полина Васильевна уже хлопотала насчет обеда. Помолились.

Потапов промолвил:

– Но не думайте, страху много будет. Не собьетесь – душа спасется.

Валентин понемногу приходил в себя, но мысли путались, и он не знал, с чего начать... Вспомнил наконец, что оставлены в далекой недостижимой России родители, друзья... С женой Валентин, однако, развелся два года назад, детей от этого короткого брака не было...

Еда, в глазах Валентина, чем-то отдаленно напоминала прежнюю, российскую.

– Вот это мы называем картошкой, – умилялась Полина Васильевна, – вот это – луком... и гляньте на хлебушек. Кушайте на здоровье... Другое здесь не растет...

Встали, помолились, как в былые, хорошие времена.

– Не думай, а лучше говори с ним, сынок, – тихо сказала Полина Васильевна. – Не огорчайся очень... Раз ты к нам такой пришел, то испытание адом тебе дадено, как и нам... Но душа твоя спасена будет... я чувствую это... как и наши души... это главное... А там хоть съедят нас, – дело второстепенное... Душе-то что? Она из другого теста создана.

Валентин молча вкушал пищу ада.

– Откуда вы ее берете? – наконец спросил он.

– Немножко вокруг растет, а потом нам черти привозят... Они же здесь в человеческом виде, – ответил Иван Алексеевич. – В этом их свойство, особенность. И как будто по-человечьи говорят, ну, а сами... Увидишь, сынок, какие это люди, сразу поймешь, кто они. Не дрожи, держись веры, но страх огромный на тебя нагонят...

– Для чего они вас держат?

– Не знаем, – ответил Потапов. – Им виднее... Лучше об этом вам Сережа расскажет.

– Какой Сережа?! – удивился Валентин.

– Какой есть. Молодой человек. Хорошего образования. Попал сюда немного позже нас. Хоть и чудной, но стал нам родной, – добавил Иван Алексеевич.

– Его сегодня черти привезут, – пояснила, покраснев, Даша. – Взяли, но должны привести обратно.

За окном послышались какие-то звуки. Полина Васильевна подбежала, раскрыла окно.

– А вот и он идет, легок на помине.

Вскоре Валентин услышал пение и ясно различил слова:

Пой же, пой на проклятой гитаре,
Ходят пальцы твои в полукруг.
Захлебнулся бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг...

Рядом с ним молча шли черти. Их было два.

Валентина эти слова поэта из прошлого, это пение в аду резануло так, что в глазах его потемнело, он вскочил и пошатнулся, припав к стене.

... А в комнату уже входил он – Сережа Томилин, исчезнувший с лица земли в 1926 году и попавший в ад. Впрочем, у Сережи было свое мнение относительно того, куда он попал. Через несколько минут Валентин и Сережа Томилин стали неразрывными друзьями.

После обеда Потаповы, как и полагалось в XIX веке, пошли спать, и Сережа с Валентином остались наедине.

– Ты пойми, Валя, – говорил ему через часок беседы Сергей. – Не ад это, не ад. Теологически не сходится... Но старики так считают, я их люблю, они мне как родные – но они слишком просто судят... Оно, конечно, похоже, и метафорически, косвенно, что ли, это ад, и мы среди чертей... А что, не черти, что ли, были в 17-м? Среди руководства Черный козел, он может любой облик принять... Ему-то что... Но не ад тогда был, и здесь не ад...

– А что же, что?

– Ты мне сначала скажи, с какого ты рождения?

– С 1977-го.

– Ого-го! А я в двадцать шестом пропал... Ну и как? Большевичье-то поганое небось прогнали где-нибудь к тридцатому году?

– Не прогнали. Но сейчас их нет... Потом все расскажу, какой расклад получился... А сейчас ты же не ответил мне на главный вопрос, где мы?

Сергей пересел на стул поближе к Валентину.

– Валя, в себя приди! Мы же в физическом теле... В ад можно попасть только после смерти. В какой-то степени это, конечно, ад, но не совсем. Тут дело сложнее...

– А как же старики, такие православные, не понимают этого?

– Да все они понимают! Я с ними сроднился, они даже мой язык XX века чуть-чуть переняли, но они считают, что оказалось, вопреки богословам, ад может быть и в физическом теле... Просто богословы об этом не знали, мало ли что богословам неизвестно, не все Бог нам открыл, а только частично...

– А ты как считаешь?.. Выпить бы сейчас, Серега...

– Алкоголя тут нет... А я полагаю, что мы попали в необъяснимый фантастический мир. Его надо принять, и все.

– Сергей, ну это не объяснение, а поэзия просто.

– Хорошо. Слушай. К нам приходит один человек. Из их племени. Великий ученый, жрец, – не знаю, кем они его считают... Но он прячется от них в подземельях... И посещает нас. Как он обходит охрану – не знаю... Имя его – Вагилид. Он знает древние языки, как он выражается. В том числе русский... Так вот мы попали в отдаленное, точнее, очень далекое от XX века будущее человечества.

Валентин заходил по комнате. Кровь бросилась в лицо.

– Что, что? Это, именно это – будущее человечества?

– Да.

Глава 3

Валентину и Сергею постелили в одной небольшой комнате. Среди глухой ночи Сергей проснулся и привстал.

– Ты плачешь, Валентин?

Ответом были слезы, комок ужаса в горле.

– Тебе жалко человечество? – Сергей говорил почти шепотом, но слышали бы даже крысы, такая стояла бездна тишины и мрака, словно вся земля превратилась в огромное кладбище. – Послушай, – продолжался шепот, – не все так однозначно. У Вагилида есть документы, книги, что-то осталось от прошлого. Видимо, есть и другое человечество, не здесь. Произошло нечто грандиозное, неопишное...

– Я не по себе плачу, – медленно проговорил Валентин.

– Послушай, как сейчас в России? – с внезапной тревогой спросил Сергей.

– Плохо. И в России, и в мире. А XXI век идет и идет.

– Я так и думал.

– Потом расскажу.

Сергей встал и сел на кровать в ногах у Валентина.

– Сергей, а зачем они тебя вызывали? Что они с тобой сделали? Что они хотят от нас?

Лицо Сергея еле виднелось во тьме, и вся его фигура словно была поражена тьмой этого мира.

– Что сделали? Взяли кровь, и только, но я держусь. Хоть бы скорей убили или съели нас. Освободиться бы от тела и уйти из проклятого мира... Останется душа и тонкое, энергетическое, невидимое физическое тело, и вот тогда мы узнаем, куда попадем... Тогда мы узнаем, куда попадем... Тогда будет надежда, и не только...

– Ты думаешь, они хотят нас убить, как-то использовать физическое тело?

– Нет... Они бы давно все это сделали... Я – интуит, и кажется мне, что они не откармливают нас для своих лабораторий, если они у них есть. Мне видится, что мы нужны для какой-то иной, тайной цели. Даже Вагилид не может понять, для какой... Он – единственный здесь друг нам. Особенно не верю никаким объяснениям. Вагилиду верю, но наполовину.

– А во что верить? – тихо-тихо спросил Валентин, точно их разговор подслушивали тысячи демонов.

– В Бога, конечно, и в реальность фантастического мира. Если вдруг я увижу здесь, в теле, живой сгоревшую при пожаре мою мать – я не удивлюсь. И не надо никаких объяснений.

– Сережа, спой мне что-нибудь, – попросил вдруг Валентин. – Ты так пел, возвращаясь.

– Валя, ты не ребенок... Но и я чуть не сошел с ума, когда попал сюда. Но мне никто не пел. Но надеюсь, мы рано или поздно услышим райское пение.

– А я хочу русское, а не райское.

– Да если петь здесь наши песни, сердце и все существование перевернется вверх дном. Хотя я пробовал.

– И какой результат?

– Я один раз перед местными ни с того ни с сего запел. Убежали, как молнии. Не место здесь песням.

Поговорив еще немного, Сергей и Валентин, как-то успокоившись, все-таки заснули.

Проснулись поздно, когда в дверь постучались. На пороге стояла Полина Васильевна.

– Как почивали, дорогие? Мы уже помолились, позавтракали.

Сергей повел Уварова на задворки, где было что-то похожее на умывальник. Валентина поразила белая курица, выскочившая с кудахтаньем из-за бревна.

«Абсолютно как наша курица. Не отличишь. Значит, они совсем не изменились», – подумал он, сопровождая курицу пристальным взглядом. Сергей все понял и усмехнулся.

– Такая же, но не совсем. Абсолютно не изменились крылья. Им и конец света нипочем. Довольно плотно позавтракали.

– Это мы называем сыром, – объяснила Полина Васильевна про невзрачную серую массу.

– Голод не тетка, матушка, – ответил Сергей. – Съешь даже пищу конца мира, была бы хоть немного съедобна...

Не успели выйти из-за стола, как раздались отдаленные свирепые звуки.

– Это повелитель к нам едет, – немного умильно сказала Дашенька, дочка.

– Какой еще повелитель, Сергей? – встрепнулся Уваров и увидел, что старики побелели.

– Ничего страшного, – успокоил Уварова Сергей. – Едет главный начальник этой страны.

Вагилид объяснил нам, что его надо называть Правитель, но это сам черт не разберет.

– Неприятно все-таки, – сморщился Потапов. – Он приезжает к нам иногда осматривать нас. Никакого зла он нам не сделал пока...

Валентин так и ахнул. «Начинается», – подумал он.

На дворе уже стояло огромное чудовище, внешне мало похожее на автомобиль. Стражники роботообразно вывели всех пятерых пришельцев во двор и поставили в один ряд. В середине – Иван Алексеевич Потапов, а с правого боку от него – Потапова и Валентин. Сергея же поставили с левого боку, а потом Дашу. Сзади – крупно вооруженные стражники. Оружие непонятно-неприятного вида, и к тому же устрашающее.

Повелителя (так уже называли его Потаповы) вынесли из автомобиля в кресле. Кресло было простенькое, что подчеркивало величие Правителя. Кресло почетно поставили перед нашими новоселами на вполне гармоничном для общения расстоянии. Четыре стражника, двое сбоку и двое позади, застыли как изваяния у кресла.

Валентин внешне тупо повиновался во всем, подобно остальным, но повиновение в основном выражалось в молчании. Молчали новоселы, молчали стражники, молчал и Повелитель, худой старик с лицом, похожим на отрешенное чучело. Повелитель тем не менее пристально вглядывался в своих арестованных пришельцев. Взгляд его не отрывался от их лиц, и внезапно Повелитель заплакал. Он плакал беззвучно, минут пять-шесть. Стражники не шелохнулись. Потом дал знак, кресло почтительно внесли в автомобиль, и тут же машина стремительно двинулась и скрылась. Пришельцы так и застыли на месте до тех пор, пока странный звук от автомобиля, похожий на крик птицы, не затих окончательно.

– Что это такое?! – вскрикнул наконец Валентин.

– Всегда так, – ответил Иван Алексеевич. – Он приезжает, смотрит на нас и плачет. Потом уезжает, ни одного слова, ничего больше.

– Никакого знака вообще, – пробормотал Сергей.

– Ну и Господь с ним, – прошептала, замешкавшись, Полина Васильевна. – Уехал, и слава Богу. Одному Творцу только известно, кто он такой. А мы люди простые. Не убили, и ладно.

* * *

...Чтобы скрасить существование, собрались все вместе в маленькой комнатке, Бог знает на что рассчитанной.

Дашенька села у окошечка, как бывало в России, и окончательно задумалась. Она смирилась, слушаясь родителей, но ее еще детское сердце не признавало ада. Смотрела она вдаль, но и там не было ни России, ни царя-батюшки.

– Расскажите, не боясь правды-матки, Валентин, что случилось с Россией? Сергей говорит, что была революция и царя свергли. Неужто? – спросил тихо Потапов.

– Уж извини, Сережа, – вмешалась Полина Васильевна, – но никогда этому не поверю. Не могу верить, и все. Чтоб свергнуть, свершить насилие над помазанником Божьим, который перед Богом и всем христианским миром отвечает за страну и правит ею? Не поверю. Какими же надо быть злодеями, чтоб нарушить то, что сам Бог установил.

Сергей осторожно шепнул Уварову:

– Только про расстрел не говори, ради Бога... Не добивай предков наших дорогих, жизнь нам давших.

– Что вы там шепчете, Сергей, пользуясь тем, что мы глуховаты малость? – пробурчал Иван Алексеевич.

Валентин был поставлен в тупик. Он мямлил, дергался и все ссылался на то, что XX век нашим драгоценным прабабушкам распознать трудно.

– Говорите прямо. Как будто вы перед самим Суворовым стоите, – рассердился наконец Иван Алексеевич.

– Знаете, война была, разруха, и так стало тяжело, что сам царь отказался от престола, – смутясь, ответил Валентин. – Но и тут, как коршуны, набросились делить власть...

Целых три дня прошло в таких разговорах.

– Отдана была светлая Россия Сатане, да мир заодно с нею, – закончил Сергей. – Я помню, как жили до этих событий 17-го года. Даже самый бедный народ был какой-то жизнерадостный, веселый, словно Светлая Пасха, когда двери домов были открыты для всех. А что не быть жизнерадостным, если в вечной жизни, после так называемой смерти, были уверены. Это же надо, за весь XIX век только человек десять казнили, приговорив к смерти.

– Да это мы сами знаем без вас, – опять осерчал Потапов. – Вы нам про будущее расскажите, про XX век. Раз вы, молодые люди, после нас в ад попали...

И Сергей, и Валентин отвечали уклончиво, дескать, войны одни были...

– И не бойтесь сказать, – вставил Потапов, – что христианская вера была почти везде и повсюду в мире поругана – мы сами знаем, что по пророчествам так оно и должно быть.

– Вестимо, батюшка, – отозвалась Даша, – как объяснить иначе, что мы здесь оказались.

Так и прошли эти три дня – Валентин расспрашивал об аде, Сергей – о мире, о России, и сам не верил, что он в аду, Потаповы не верили, что царя свергли.

Глава 4

Следующим утром Валентин спросил Томила:

– Серега, ты хоть самых величайших поэтов России XX века видел?

– Видел, как читали они свои стихи, но не более, – вздохнул Томила и прибавил: – Мы с тобой, Валя, здесь как во сне сейчас живем... Три дня нас не трогают, и нам снятся сны – где явь, где сновидение и где наш разум – неизвестно...

За завтраком Уваров все-таки пошутил:

– В этом аду как в санатории. Кормежку привозят...

Но на глаза Даши навернулись слезы.

– Как в зоопарке, Валентин, – оборвал его Сергей. – Сейчас передышка, а потом узнаешь, какой здесь санаторий.

Дашенька не знала, ни что такое «санаторий», ни что такое «зоопарк». Она просто плакала. За окошком не виделась Россия, один рассвет того, что неопишимо.

Вдруг в соседнее оконце четыре раза постучали. Сергей вскочил:

– Это Вагилид... Тот, о котором я тебе говорил, Валентин... Но он не должен был прийти сейчас.

Открыли.

– Он наш друг, – успел еще шепнуть Сергей, – подземный жрец и духовидец.

На пороге стоял высокий худой человек, совершенно не похожий даже сложением на местных. Одухотворенное лицо, один глаз – страдальческий, другой – как бездна. Одежда напоминала древнеримскую тогу.

– Все собрались, дети мои из далекого прошлого? – сказал он на ясном русском языке, но со странным акцентом.

– У нас вновь прибывший, – заговорил Сергей.

– Я знаю об этом.

Валентин, забыв о том, рассказывал ему о Вагилиде Сергей, был потрясен до безумия. Он не знал, что вымолвить. Наконец пролепетал:

– Вы знаете русский? Что это такое? Где я?

Вагилид усмехнулся:

– Я изучал древние языки: русский, китайский, санскрит, французский... Это искусство давалось мне быстро и легко – не без помощи магии, между прочим... Я читал русские книги и знаю разговорный русский. К тому же – практика.

Он взглянул сначала на Потаповых, потом на Сергея.

– Хотите покушать, Вагилид? – робко спросила Полина Васильевна.

– Не надо. Мне нужно поговорить с новым пришельцем. Наедине. Около дома, там, где столик.

Валентин, не совсем убежденный в реальности происходящего, поплелся за ним.

Уваров боялся этого ощущения нереальности, того, что явно все-таки происходит, но не похоже на явь. «Ум не может такое воспринять и поэтому гибнет, – подумал он и стал успокаивать себя, резко и истерично: – Я жив, чего же еще надо?!»

– Совершенно справедливо вы шепчете, человек, – услышал он голос Вагилида, – вы живы, и что еще надо, кроме жизни?! Остальное – пустяки.

Валентин вздрогнул, но согласился.

Они сели за обычный, в конце концов, столик. Все-таки некоторые приметы сохранились. Но деревья около столика ошеломляли своей неправдоподобностью. Уварову даже казалось, что они немного двигаются из стороны в сторону и того гляди могут сцапать, схватить своими

коггистыми ветвями. Схватить и унести. «И деревья, как всадники, съехались в нашем саду», – мелькнуло в уме.

– Сидите спокойно и не бойтесь, – пояснил Вагилид. – Почти все деревья в нашем мире пособники вампиров. Особенно в лесах. Но вам ничего не грозит. Расскажите о себе. Подробно.

Валентин собрался с духом и рассказал. Вагилид иногда задавал короткие, отрывистые вопросы.

Наконец Валентин кончил.

– А теперь я хочу спросить только одно: где я?

Вагилид с грустью посмотрел на Валентина.

– Я не буду вилять и отнекиваться, – такое владение русским языком выводило Валентина из себя и разрушало последние нервы, – и скажу вам прямо: вы попали, дорогуша, в период после конца света.

– Что вы говорите? – Валентин вскочил с места. – Этого не может быть!!!

– Успокойтесь! Может быть все, конец света был. Только не принимайте это близко к сердцу.

– Не верю.

– Да оглянитесь вокруг, друг мой. Неужели не ясно, что конец света был?

– Как понять?

Вагилид довольно отрешенно посмотрел на пришельца.

– Сядьте. Сейчас объясню. Вы, кажется, из XXI века попали сюда? Бывает, бывает. Сдвиги во времени. Но XXI век – это такая дремучая древность. С тех пор, милейший, прошло не одно тысячелетие. Было все: и покой, и взлеты, и адские падения. Но финал состоялся, и в общем в согласии с древними откровениями.

Валентин молчал. Он стал ощущать, что он находится там, где невозможно находиться. Все: и деревья, и стол, за которым сидели, и сам Вагилид – казалось призраками и смертью, вечной смертью.

– Состоялось глобальное столкновение двух противоположных начал. Одно из них увело избранных по духу туда, где иная земля и иное небо. Другая, падшая, так сказать, часть человечества тоже по-своему определилась, и живые, и мертвые. Все свершилось по древним пророчествам, за некоторым исключением. Земля превратилась в вихрь Гнева Божьего. Казалось, все разрушено. Человечество ушло. Кто за черным спасителем, кто в рассеянье по вселенной, кто в ад, кто в сферы истинного спасения и духа. Кругом одни патологические развалины, и вдруг среди этих развалин появились, возникли, как черти в табакерке, люди. – Валентина передернуло. – Да, да, люди, другие люди, волосатенькие, низенькие, озлобленные, с шаровидными глазами и с необычайно коротким периодом жизни.

И Вагилид захохотал. От громко-зловещего хохота будто закачались ветви деревьев.

– Не черти, а люди. Все изменилось на земле, человек как образ и подобие кончился на земле, но мы остались.

И Вагилид хихикнул, что выглядело странно. Валентин что-то лепетал в ответ, сам не понимая что.

– Все изменилось на земле физически, но жить было возможно. С трудом. Особенно ожесточала короткость жизни. Ее трудно перевести на ваш доисторический счет, но приблизительно это всего лишь лет двадцать-тридцать. Конечно, и развитие человека идет быстрее, так называемое детство к примеру.

– Мало, мало живете, – тоскливо и нелепо пробормотал Валентин. Ветвь неопишемого дерева нависала над самой его головой.

– Это ожесточение из-за краткости жизни. Это парадокс. Но из-за этого парадокса даже бытовая жизнь у нас тяжелая. Мы кусаемся, убиваем друг друга, и все в повседневном круго-

вороте. Это мелочи, конечно, но о большем я умолчу пока. Вы и так расстроены до потери лица своего. Кое-что мы восстановили, сохранились отрывки знаний, некоторые книги и записи. Но то, что работало у вас, в новых земных условиях оказалось неприменимо. Я уже не говорю о религии, метафизике, искусстве, литературе – все это и запрещено, и забыто. У этих новых людей нет верхних этажей души.

– А как вы? – спросил Валентин, переходя в какую-то тихую истерику, не знаемую им ранее.

– Законный вопрос, друг мой. – Вагилид хохотнул и похлопал Валентина по руке. – Среди них стали возникать, как поганые грибы, мы. Те, кто может духовно познать то, что могли познать вы, древние. Нас на всей земле горстка, всего несколько. Нас ненавидят и уничтожают. За то, что мы другие, даже за то, что мы живем дольше их. При одном упоминании о нас правители их стран воют, глядя на небо. Мы прячемся в подземельях. Но в этой стране, куда вы попали, у меня есть покровители. Из своих тайных соображений. Я к тому же один в этой стране, хотя она одна из самых больших по территории. Земля по-прежнему трясется, везде провалы, огонь, лава, но, конечно, не в такой степени, как при Конце. Население маленькое, и стран мало, ибо немного земли пригодно для жизни.

– Что делать? – тупо спросил Валентин.

– Это вы скоро узнаете, – несколько зловеще, но с доброй улыбкой ответил Вагилид. – Они и мы – не святой остаток человечества. Причем это мягко сказано. Но не думайте, что все однозначно. Началась новая человеческая реальность. Я дал только общую картину. Но внутри ее – тайное течение, невесть откуда взявшиеся необычные личности, иная направленность магии и так далее.

– Хорошо. Я понял и верю вам, но что произошло за эти тысячелетия от XXI века до Конца?

– Многого хотите. Связь утеряна, сохранилось лишь кое-что.

Вагилид вдруг наклонился к Валентину, и лицо его, человека после Конца, озарила добрая, радушная улыбка.

– О вашем времени расскажу немного и покажу потом кое-какие сохранившиеся чудом текстикки. К середине XX века, очаровательный вы мой Валентин, человечество необычайно потупело. В цивилизации, которая задавала тон, большинство людей почти полностью потеряло реальное представление о том, каков мир, где они живут. Они сочли, что физический мир – единственная реальность и ничего другого не существует. В то время как в действительности они были окружены многочисленными параллельными и, наконец, высшими мирами. Они тупо и свято доверяли так называемому научному мировоззрению, тоталитарному и нелепому, которое возвело данные своих частных наук до уровня всей реальности в целом, включая ее духовную сторону. К конкретной науке это не имело отношения...

Отчужденное, суховатое, словно забытое и Богом и Дьяволом, лицо Вагилида исказилось почти детским смехом.

– История вашего периода комична до какого-то кукольного трагизма. Летали на Луну, к планетам и находили только мертвую пустыню. Короче, искали не в том направлении. А жадность, злоба и стремление к господству над другими – этому и вампиры могли бы позавидовать. Бесконечные войны, бессмысленные «высокие технологии», но жадность и поклонение деньгам – невероятные. Чернь совершенно отупела от всех политических фикций, иллюзий, ими иногда удачно манипулировали, и особенное воздействие оказывало телевидение, спорт, наркотики, половые извращения, характер работы – эдакий парадоксальный коктейль. Население постепенно стало превращаться в зверороботов. Извините, далеко не все, конечно. Но в целом – идиотическое господство материализма и власть денег. А войны, амбиции? Визгу, шуму сколько, одних атомных бомб сотворили на всю планетную систему! Одни жирели, дру-

гие умирали с голоду, одних бомбили, другие торжествовали... Словом, прогрессивное разрушение век за веком.

Валентин пошевелился:

– Да, многие, то есть пусть не многие, сознавали это и в XX, и в XXI веке.

– Ну и ладно, что сознавали.

Вагилид уютно и опять в контрасте с его отрешенным видом потер руки:

– Но вот гораздо меньше людей сознавало самое худшее, что несла эта вульгарная и рациональная цивилизация. А именно: она стала гигантским поставщиком человеческих душ в ад, стала фабрикой ада ничтожных душ и других низших состояний в частности. Религия не могла помочь, ибо ее превратили в карикатуру, опять-таки за немногочисленными исключениями. Убили все духовное и великое. Что могли оборжали, осмеяли, обрызгали мочой, слюнями своего продажного жалкого ума, и все это под вывеской свободы.

Валентин развел руками:

– Насчет ада я как-то не думал. Боялся смотреть вглубь, наверное.

Вагилид одобрил темное признание.

– Хорошо, хорошо, но чем это кончилось?

Вагилид хохотнул несколько гробовым хохотом, но его хохот был более искренен, чем ожидал Валентин.

– Уж не думаете ли вы, что концом света? Хо-хо-хо... Что вы, что вы? Возможности зла и всего цикла вообще еще не были исчерпаны. Трудно же принять, мой друг из далеких доисторических времен, толстопузых или долгоязыких монстров, управлявших вашим миром, за серьезных богоборцев. Кишка тонка. Чтобы бросить вызов Богочеловеку, нужен все-таки другой уровень. Конечно, они пыжились, но до нормальных сатанистов не дотягивали. Эдакие недосатанисты.

Валентин хихикнул.

– А пруть у некоторых, я имею в виду не самых главных, тоже резвая. Замораживали себя, к примеру, до лучших времен... Даже не в состоянии были сообразить, на что они себя обрекают...

– Чем кончилось? – в упор спросил Валентин.

– Глобальными катастрофами, наводнениями, землетрясениями, затоплением целых стран, переселениями и т. д. – как полагается. При смене цивилизации. Эта цивилизация была обречена, потому что в основе ее лежала человеческая тупость и жадность. Решающую роль сыграли не катастрофы, а изменение сознания людей. Занавес, отделяющий этот мир от других, стал чуть-чуть приподниматься. В общем, истинное положение вещей частично восстановилось на примере конкретных явлений – были серьезные прозрения, прорывы. Когда люди увидели все это, материализм, это змеиное чудовище, губившее людей много веков, рухнул, как карточный домик, и больше никогда не возвращался. Эти изменения происходили постепенно, в течение нескольких столетий, и приблизительно в середине третьего тысячелетия возникла новая, уже иная цивилизация, мало общего имеющая с прежней, гармоничная и человеческая. Со временем человечество избавилось и от всех этих технологий, засилья всяких машин и прочего. Почти все эти игрушки были выброшены, как ненужные, бессмысленные и мешающие жизни на земле. Но кое-что оставили...

И вдруг появилась девушка. Она вышла из-за кустов, из-за вампирических деревьев – немного пухленькая, нормального по стандартам доисторического человечества роста, в синем платье. Волосы – золотистые, лицо – белое, чуть-чуть смуглое, а глаза – глаза были черные, сверкающие темным огнем. Вагилид приветствовал ее движением руки.

Валентин замер. Девушка – после конца света.

– Моя дочь, – с теплотой произнес Вагилид. – Единственная. Зовут ее Танира.

– Танира приветствует пришельца, – ясно сказала она на русском языке.

Валентин разрыдался.

– Я ничего не понимаю, – сквозь слезы сказал он. – Я слышу русскую речь после конца света, как это возможно?!!

– Валентин, – на этот раз мягко ответил Вагилид, – моя дочь познавала этот язык вместе со мной. У нас были возможности и желание. Как – зачем вам знать?

– У нас была практика, еще до этих пришельцев, – сказала Танира, показав рукой в сторону дома. По лицу пробежала неведомая улыбка.

– Ладно. Но при таких катастрофах, глобальных переменам что стало с Россией после этого? Ответьте? – почти выкрикнул Валентин.

– Россия осталась, вошла в эту нынешнюю цивилизацию. Изменения, конечно, были, – удивился почему-то Вагилид. – Многие страны остались: Китай, Индия, Латинская Америка, к примеру.

– И что... что... дальше... дальше?! – пробормотал Валентин.

– Та цивилизация XX века хвасталась своим интеллектуализмом, – вдруг неожиданно проговорила Танира. – Но это был интеллектуализм крыс. Новая цивилизация создавалась на совсем другой основе.

Валентина передернуло от слова «крыс».

– Мой друг, – начал Вагилид, хотя лицо его не очень выражало какую-либо дружбу, – дальше опять падение, хаос, взлет и потом опять... Боги снова стали посещать землю, как в самые древнейшие времена. Это было и хорошо, и опасно. Самый ужасающий период наступил, когда демонам удалось прорваться в физический мир. Это было жуткое уничтожение. Они прекрасно владели тонкой субстанцией и энергиями, могли принимать любой нейтральный облик и были неуязвимы. Спасла только Высшая Воля.

– И это не конец?

– Нет, нет, – глаза Таниры, в этот момент сверкнули, – в какой-то мере это был праздник, сохранилось мало сведений о тех временах, и то они засекречены, но конец наступил позднее, и перед этим было воистину космологически-духовное столкновение. Одна сила, контрспасения, хотела превратить земную жизнь в вечную, она владела тайной физического бессмертия.

– Антихрист, – проговорил Валентин.

– Может быть. Эта сила возжелала быть мощной и по духу, и по плоти. По плоти особенно. Их символ был: «Плоть есть Слово».

– Страшные и великие слова, – глаза Таниры засветились...

«Жаждой бессмертия», – подумал Валентин.

– Другая сила – хотела движения человека в высшие миры, в безграничность, в пространство Духа, но такое возможно только через разрушение этого застывшего мира и переход в новое состояние. Непримируемое столкновение... Видимо, произошел раскол рода человеческого. Это был финал, определились и живые, и мертвые; занавес опустился. Конкретных фактов мало известно об этом. Но вдруг вопреки всему, вопреки разуму на пепелище появились мы. И мы тоже хотим всего... всего, – пальцы Таниры сжались.

«Она прекрасна», – ужаснулся Валентин.

– Дочь моя имеет в виду избранных, совсем немногих, – поправил Вагилид.

– Но и остальные зачем-то появились, – упрямо сказала Танира.

– Что делать... что делать!!! – опять чуть не закричал Валентин.

– Нельзя сопротивляться фактам. Вы здесь и теперь с нами, – произнесла Танира.

Она встала и застыла у дерева. Вдалеке послышались какие-то разрывы. Жутковатый грохот где-то там.

Танира вздрогнула.

– Это обычно, – заключил Вагилид.

Глава 5

Вагилид и Танира исчезли во тьме. Валентину показалось, что Танира помахала ему рукой. Это почему-то показалось ему странным.

В доме уже все спали. Не сознавая, как течет здесь время, Уваров лег спать. Среди ночи он слышал, как Сергей кричал во сне.

Утро оказалось хмурым. Сергей расспрашивал о встрече с Вагилидом и кивал головой:

– Он нам сочувствует, но он здесь не хозяин.

И вдруг во дворе дикий, черный рев. Потаповы побелели:

– Это за нами приехали, и раньше, чем ждали.

– Что значит «за нами приехали»? – встрепенулся Валентин. Но в дом уже входили вооруженные роботомолодчики. Они решительно отделили Валентина от остальных и ткнули его в сторону. Трех Потаповых же и Сергея взяли с собой.

– К ночи привезут, – успел шепнуть Уварову Сергей.

...Всех четырех «пришельцев» затолкали в машину, и она понеслась к восходящим на горизонте тучам.

Фургон был закрыт, и «пришельцы» ничего не видели, кроме тьмы. Из кабины доносился только хохот роботомолодчиков.

Между тем везли их в Рипан, столицу этой страны, Ауфири.

Когда въехали в город, «пришельцы» слышали только то зловещий вой, то патологически радостный крик – видимо, с улиц или откуда-то с высоты.

Наконец машина остановилась. Они оказались в зоопарке. Вокруг по аллее стояли на подмостках безжизненно-стальные огромные клетки для зверей. На аллее – прохожие, в стороне – тьма деревьев.

В клетках лежали причудливые животные, но главное, по всей аллее стояла предрешенная и невыразимая тишина. Ни звука, ни рева зверя, ни тоски его, ни лая.

Звери казались задавленными всем бредом этого мира, его отравой. Огромный лев спал, как забитая собачонка, в углу клетки. Да и не лев-то это был в нашем понимании.

В дальней клетке ходила взад и вперед гигантская птица с головой собаки. Зато большинство клеток были заполнены крысами разного вида, и размера, и цвета – одна чернее другой. Некоторые были пугающе огромными, величиной с добрую собаку.

Чувствовалось, что только крысам вольготно в этом мире. Остальным зверям и дышать тяжело.

– Ну, опять повторяется, который раз, – прошептал Потапов.

Их загнали в клетку, бросили корм.

Около клетки быстро стала собираться толпа. На самой клетке было что-то написано крупными буквами, и слова выделены красной чертой.

В клетке они сидели на полу: Потаповы в кружок, рядом Сергей.

– Дашенька, дочка, – тихо говорила Полина Васильевна, – главное – не смотри им в глаза, вообще не гляди на них, как будто их нет, и читай про себя молитву.

В толпе тем временем нарастал гогот, словно исходящий не из горла, а из хобота, но гоготали люди, напрягаясь и поднимая вверх головы. В гогот врывался порой дикий, полуженский визг, обращенный в пустоту, и все это медленно нарастало.

– Читаем молитву, не смотреть им в глаза и не слушать, – повторила Полина Васильевна. – Читаем молитву Господу нашему Иисусу Христу, отдавшему земную свою жизнь во имя нашего спасения. А теперь – Царю Небесному Святому Духу, он здесь, он рядом, и просим его защиты и здесь, и везде...

Что вы плачете, Сергей? – спросила Полина Васильевна. – Стоять надо в вере, и все. Радоваться надо, что Бог с нами, а не с ними. Вспоминайте мучеников.

– Нас не мучают, здесь иное, здесь хуже, – прошептал Сергей.

Даша сидела, закрыв глаза. Вскоре в толпе стало твориться что-то немыслимое. Сначала возник крик, похоже, какая-то речь. Потом ее перекрыл женский вопль, и тогда все разрешилось. Кто-то рвался в клетку «пришельцев», грозился, выл, рычал что-то несусветное. Большинство то грозило кулаками в сторону клетки, то внезапно прыгало из стороны в сторону, при этом нередко сшибая друг друга. Кто-то прыгал достаточно высоко и с вышины плевался. Некоторые тут же, рядом, совокуплялись, визжа и хрюкая.

Между совокупляющимися рыскали дети, злобно щипая кого попало, но особенно женщин.

К клетке подошел совершенно дикий, даже для этой публики, человек. Прильнул к решетке, пролез руками внутрь клетки и стал агрессивно выть, но так надрывно и истошно, что очнулись звери в соседних клетках и тоже стали выть так, словно они на Луне, но визг совокупляющихся, вой неприятной злобы перекрывал иногда идиотический хохот. На секунды становилось тихо, все замирало, словно готовилось к смерти.

Единственное, что запрещалось, – приносить ножи, любое оружие, камни и тому подобное, иначе от зоопарка ничего бы не осталось. Людей перед входом бдительно осматривали, даже дергали за странные места.

Тем временем Потаповы и Сергей закончили молиться. Сергей знал, что лучше не смотреть в глаза этих людей будущего – это было бы жутким, последним наказанием, ибо во многих этих глазах было столько необъяснимой ненависти такой концентрации и напряженности, что он невольно холодел всем телом.

После молитв решили покушать. Разложили нечто, что дали, и стали есть потихоньку. Это вызвало у толпы дикий хохот. Казалось, реакция, движения толпы были совершенно неадекватны.

– Что смешного в том, что мы едим? – спросила наконец Дашенька у родителей. Те только пожимали плечами.

Безобразия в толпе не утихало, принимая все более уникальные формы. Стражи порядка стояли в стороне и равнодушно позевывали.

– Сережа, ты бы нам хоть почитал прекрасные стихи. Много наизусть знаешь, сынок! – заметил Иван Алексеевич.

– Сядем поближе друг к другу, чтоб не слышно им было, а то от них всего ожидать можно. Разорвут еще клетку, – проговорила Полина Васильевна.

И Томилин стал читать вразброс Пушкина, Гумилева, Блока, Есенина... Стихи лились, и воздействие их настолько очаровало сидящих в клетке, что они позабыли, где находятся. Это было опасно.

Неожиданно Дашенька попросила:

– А вы спойте что-нибудь, Сергей.

Сергей, тронутый просьбой Даши, взял и запел, и довольно громко.

Он абсолютно не отдавал себе отчета в том, где находится. Тем более, Даша попросила. Да и старшие Потаповы оцепенели от такой песни.

– Да не пойте такую песню тут, – опомнилась Полина Васильевна. – С ума сойдешь! Душа не выдержит.

Между тем они не заметили, что это пение, эти звуки оказали странное воздействие на толпу, к которой, кстати, подсоединился прибывающий народ. Толпа замерла, затихла, вслушиваясь, и вдруг волна нечеловеческой безумной ненависти захлестнула ее.

Люди бросались на клетку, рвались, грызли ее зубами, визжали, как будто их поджаривали.

Потапов прошептал:

– Нельзя петь! Ведь и молитву, и стихи мы читали шепотом!

Стражи порядка яростно расталкивали людей, колотя увесистыми дубинками с шипами. Главный охранник, который вез «пришельцев» сюда, подскочил наконец к клетке и жестами показал, что петь нельзя.

Ошеломленный Сергей и так прекратил пение.

– Однако какие они чуткие, – пробормотал он, обращаясь к Даше. – Такие дикие, страшные и все-таки вибрируют.

– Задело их это до крайности, – мрачно вымолвил Потапов. – Ишь как все чувствуют...

– Чувствуют, что их гибель в красоте небесной, – прошептала Даша. – Такие стихи для них яд.

– Звуки-то, интонации они чувствуют! – добавил Сергей.

– Да они и слова чувствуют, и душа ранена этим. Вагилид говорил, что у них в глубине психики есть некая особенность... тонкость такая, которая тут же вибрирует на все необычное, великое, но враждебное им. И тогда они впадают в ярость. Вагилид говорил мне, что поэзия здесь была запрещена, о ней давно забыли, но маленький намек на ее существование тем не менее карается.

Понемногу толпа редела. Пробежит какой-нибудь мальчуган, почешется, укусит прутья решетки – и был таков. Где-то вдали кричала большая птица...

Наконец появилось нечто новое: группа людей, не похожих на предыдущих, холеные, толстые, с глазами мертвых рыб.

«Этих ничем не проймешь, – подумал Томилин. – Читай стихи при них или молись – их ничто не коснется, ничто не сдвинется».

Люди эти молча и тупо, недвижно смотрели на «пришельцев», как в пустоту, и почему-то все время жевали. Полина Васильевна прошепчет молитву, а они жуют.

Так, в неподвижности, прошло минут 20 по старому времени.

Сергей не заметил, как они ушли. А ушли они важно и без единой эмоции.

Томилин нетерпеливо ждал конца этого представления. И вот под самый конец у решетки возникли другие. Сергей сразу узнал их по описанию Вагилида. Это были те, которые считали, что они не существуют.

Пришли они гуськом и разом стали безучастно смотреть на «пришельцев». Глаза их на худых лицах были наполнены прозрачной пустотой. Глядя в них, можно было в сущности видеть, что происходит за спиной этих «несуществующих».

Глаза эта смотрелись как коридоры, ведущие в никуда.

Люди стояли тихо и незаметно, и была это не тишина тупости, как у предыдущих, важных, а тишина полного отсутствия.

Потаповы так и застыли, на них глядячи.

Странно, что посетители, но особенно охранники, относились к ним с уважением. «Ишь, не существуют», – говорил взгляд каждого охранника, направленный на этих людей.

Даша вздохнула, несуществующих не стало.

Зашевелилась охрана, подгоняя домой посетителей. Когда опустело, как на каком-то бредовом кладбище после гулянки, открылись двери клетки, и добродушно, но с кнутом в руках охранники загнали «пришельцев» из России в машину, и вскоре, уже ночью, они вернулись к себе.

Не было никаких объяснений. Пока Потаповы и Сергей страдали в зоопарке, Валентин оставался дома один. Ему сразу стало не по себе: один, после конца света, в чужом, в сущности, доме. Кругом ничего, кроме страха. Но он постарался подавить тревогу, не мучить себя кошмаром реальности.

Понемногу он успокоился, отпил у Потаповой в кухне какого-то сладенького напитка и задремал в подобии кресла.

«Везде можно жить», – заключил он. Но сон его был чуток.

Разбудила его крыса, просто своим присутствием. Она немного приподнялась на задних лапках и смотрела в сторону от Уварова на потолок, словно потолок был небом. Крыса, тяжелая на взгляд, огромная, поставила передние лапки на пол и замерла. Уваров поразился ее некоторой отрешенности от крысиной сути, точно она уже была не она, не совсем крыса.

Сердце его билось, и он знал, что тело его хочет жить. И вдруг крыса, как-то извращенно повернувшись и изогнув голову, впилась сама в себя, точнее, в свой живот. Зубы у нее оказались острыми, точно уже побывали в аду, и сразу же брызнула кровь, кровь крысы конца времен (или после конца, как угодно). Крыса пожирала сама себя. Она была жирная, аппетитная и беспощадная.

Валентин замер в своем кресле. «Нет никаких объяснений, – подумал он. – Этот мир вне любых понятий». Крыса пищала, но жрала. А потом вдруг изогнулась и побежала вон из дома, оставляя кровавый след. Откуда-то выскочившие крысы понеслись за ней. И тут Валентин окончательно оцепенел, он увидел, что в углу комнаты, у окна, сидит на корточках молодая девушка с распущенными длинными волосами и пристально смотрит в направлении убежавшей крысы, на кровь ее и куски тела на полу. Уваров решил, что с него хватит, и закрыл глаза. Но этот уход во мрак продолжался, может быть, несколько секунд.

Девушка подскочила и дотронулась до его лба рукой.

Валентин закричал. Кто она? Ведьма этих времен? Или любовница Вагилида? Но перед ним было лицо человека, его, Валентина, эпохи – знакомые черты, движения...

Девушка отпрянула и заговорила на русском языке:

– Не правда ли, добрый друг, картина из рая, та, которую вы видели... кровь, крыса... и, знаете, кто-то хохотал в углу. Не слышали? – И девушка стала танцевать. Танцуя, она беспрерывно говорила: – В раю так обожают танцы... Вы знаете, я считаю, что мир, в какой мы попали, – чистый рай... Да, да, не возражайте... Кстати, вы откуда? Из Москвы? А я из Питера... Только не бойтесь меня... Я вижу, вы меня боитесь... Почему? Мы же в раю и всегда там были... Смотрите, как я танцую... Не хуже ангелов... Здесь все жители, если взглядеться, ангелы... Не смейтесь... Я не сумасшедшая...

Но Валентин и не думал смеяться. Он вообще ни о чем не думал уже. Просто смотрел на танцующую девушку, и ему вдруг показалось, что он действительно в раю. Петербург, русская девушка, XX век, звуки родной речи. Но не только, не только... Валентину показалось, что еще один миг, скажи эта девушка что-нибудь такое... – и все будет кончено, он сойдет с ума. Валентин испугался, он чувствовал приближение безумия и усилием воли взял себя в руки. Россия – далеко, и кто эта девушка, в самом деле?

А она продолжала танцевать, парить легко и непринужденно, точно она могла улететь, свободно двигаясь по колесу времени.

А она не умолкала:

– Приходите ко мне пить чай... Вы хотели бы жить на небесах?.. Эта крыса, что съела себя, думаю, сейчас тоже на небе... Духовном, конечно... Неглупый способ, правда, съесть самого себя?.. Вы не ищите такой путь? Напрасно... Крыса умнее нас, – и она запела, медленно кружась по комнате.

Валентин более или менее пришел в себя.

«Лишь бы не удавила», – мелькнуло в уме. Он спросил:

– А как вас зовут все-таки?

Девушка остановилась.

– Юлей, Юлечкой, – нежно добавила она.

– Юля, вы слышали когда-нибудь о сдвигах во времени? О возможности оказаться в прошлом или в будущем?

– Слышать не хочу. Не знаю.

И Юля присела на ближний к ней стул.

– А какую школу вы кончали, институт?

Юлия резко захохотала, так что Валентин опять стал нервничать. Смех ее показался ему хохотом эдакой лунной ведьмы.

– Что вы там бредите? – спросила она. – Какая школа, какой институт? Вы видели когда-нибудь здесь школу?.. Я и так вижу свой разум... Ха-ха-ха! А как вы считаете? – и она подпрыгнула к Валентину, заглянув в его глаза, точно в колодезь. – Как вы думаете, этот мир, где мы находимся, вполне разумен? Или нет?.. Молчите, – она округлила глаза. – А я уверена, этот мир в высшей степени разумен... Здесь кроме разума, собственно, ничего и нет... Деревья – полувампиры, черная луна, короткая жизнь, сексуальная истерия, бесы, двойники, самоканнибализм... Разве это не разумно?.. Да, да, – девушка отбежала в угол комнаты, – мой разум бежит от этого, он в ужасе... Так ему и надо. Пусть он познает собственный ужас! – И она опять стала кружиться, странная, как потерявший себя ангел. – А для другого разума, не моего, все это нормально... Знаете... да, как вас зовут?

– Валентин.

– Валентин, вы знаете, если мы доживем до земного рая, то мы будем питаться запахом цветов... Понюхали и напились, набрались энергии... Никаких мерзких органов выделения... Иное тело... Вы хотели бы так жить?.. Все будут такие нежные друг с другом... У меня было так в детстве, я была в детском лагере летнего отдыха, под Новгородом... И там почему-то все мальчики, девочки относились друг к другу так искренне, нежно и ласково, как будто в раю... Это было чудо какое-то, ангелы, наверное, нам послали... Я, наверное, вовек не забуду это время...

Валентин в смятении посмотрел на нее: «Она умница, она говорит нормально, – думал он, глядя на нее, – но что такое опять?»

Глаза девушки потемнели и стали еще красивей. Она снова приблизилась к Валентину.

– Но Бог лишил нас этого... И мне осталось только петь и парить... И хохотать... Нет, нет, я никогда не буду пожирать себя... Хотя некоторые просят меня об этом... Должна вам сказать, Валя, дорогой мой, что я научилась разговаривать с чертями... Здесь это неизбежно... Никуда от них не денешься. Когда во мне слабеет жизнь, они тут как тут... Но, признаюсь, общий язык с ними трудно найти... Я вам не мешаю?! Я уйду... Наслаждайтесь вместе с вампирами... Здесь все пожирают друг друга, и себя в том числе. И тот разум это принимает... Мой поцелуй ему...

И она исчезла. Валентин остался, думая, что он умер.

После мысль о том, что он умер, прошла. Он встал, вышел в сад. Было тепло.

– А вообще непонятно, что здесь: лето или зима, ночь или день. Днем темно от бесконечных темных облаков, а дождя нет. Ночью светлее, чем днем... Где я, кто я теперь?

Когда послышался шум, сердце дернулось от радости. «Вернулись»... Он сразу же спросил о Юле. Потаповы даже рты разинули: «Неужели она пришла? Должны были вернуть дней через 20».

– Кто она такая? – спросил Валентин у Томилина, когда ложились спать.

– Безумная, – был ответ. – Живет в саду, в маленьком домике, недалеко отсюда, одна.

Глава 6

Через два дня явилась Танира. Красивая, но совсем из другого ряда человеческого. Не такая, как все «они», но в то же время из «них», родившаяся после конца мира. Глаза как черные звезды. Блестят светом жизни и смерти. Губы слегка дрожат от какого-то внутреннего состояния. Она довольно бесцеремонно отозвала Валентина в сторону.

– За вами пришла машина, – сказала она. – Поедем в город, в столицу, в Рипан. Я буду вас сопровождать и переводить на русский, когда необходимо. Валентин, не волнуйтесь, ваша безопасность гарантирована. И моя – тоже. Как – это не ваше дело.

– Для чего, зачем?

– Молчите и все. Увидите.

И они медленно поехали мимо печальных холмов, на которых массами совокуплялись голые люди. Какие-то шумнокрылатые существа проносились над ними и каркали. Потом опять пустынно – ни кроликов, ни вампиров, ни людей. Танира молчала. Охранники полуспали. Валентин глядел и глядел в окно, надеясь увидеть хоть что-нибудь родное. Напрасно. Впереди слева показались здания окраины огромного города. Машина стремительно въезжала в него. Валентин отшатнулся. Здания походили на небольшие горы с норами, ведущими вглубь, где, видимо, и располагались квартиры. Где окна, где двери, Валентину трудно было распознать. Он заметил улыбку на губах Таниры.

– Удивляетесь, – тихо сказала она, – у вас тысячелетия назад было все по-другому.

– Танира, я еще не могу прийти в себя. Дайте мне точку опоры, чтобы мой разум не покинул меня.

– Точка опоры во мне. Смотрите на меня, и вы не погрузитесь в черное безумие, не сойдете с ума... Избегайте смотреть в окно, – вдруг тревожно проговорила она...

Какая-то сила удержала Валентина от того, чтобы взглянуть. Мельком он увидел только тень, возможно какого-то животного. Все исчезло, они продолжали двигаться во тьму по городу, потом вдруг – свет. Валентин увидел людей, бегущих неизвестно куда. Он спросил Таниру:

– Что это, куда они бегут?

Она ничего не ответила. Они продолжали ехать мимо домов все медленней и медленней. Валентин увидел дом странной формы, кругловатый.

Танира сказала:

– Это Дом первого безумия.

– Что это такое? – спросил Валентин.

Она не ответила. Немного спустя – другой дом тоже странной формы. Она проговорила:

– Это Дом второго безумия.

Валентин спросил:

– Что значит безумие: болезнь, сумасшествие?

– Нет, нет! – она покачала головой.

Все дальше и дальше, и потом машина почти совсем остановилась. Они въезжали на площадь. Валентин услышал некий гул, странный гул живых голосов. Наконец машина остановилась, и Валентин понял: площадь была покрыта морем людей. Кто-то сидел, кто-то стоял, кто-то двигался, и все это море выло, выло нечеловеческими голосами – теми странными голосами, которыми владело это человечество. Они выжили, и Валентин думал: что это? Молитва, или это просто вой отчаяния, или это вой безумия, вой дикой радости – было непонятно, какой оттенок во всем этом. Он стал вслушиваться. Танира молчала, ее лицо стало сухим и несколько жестким, она тоже глядела в окно, Валентину показалось, что этот вой не говорит об отчаянии и не говорит о радости, он говорит о чем-то другом, каком-то неведомом чувстве, которое

доисторическому человечеству не было известно. Он опять взглянул на Таниру, и ему показалось, что вот-вот еще минута, еще секунда, и она сама завоет. Танира повернулась лицом внутрь машины, что-то сказала по-своему, и машина медленно двинулась прочь. Они выехали за пределы площади.

– Скоро мы подъедем, – сказала Танира.

– Куда же мы едем, в конце концов, Танира, скажи! – Валентин посмотрел прямо в ее глаза. Танира улыбнулась:

– Ничего страшного. Мы едем помочь одному очень важному человеку, и ты можешь это сделать. Вот так.

Наконец они остановились. Тихая улица, особняк. Дом такой формы, которая напомнила Валентину о его времени. Они вышли из машины, прошли угрюмую, ничего не выражающую ни жестом, ни лицом охрану, прошли внутрь мимо пустынного дворика и наконец попали в дом. Около дома было еще несколько непонятных строений. Сам дом оказался довольно большим, вытянутым в глубь сада. Они остановились в вестибюле этого дома, если это можно назвать вестибюлем, скорее зал, где никого не было.

Наконец навстречу вышел человек, одетый в черное. Он повел Таниру, и они скрылись в маленькой комнате. Валентин оказался один вместе с вошедшим охранником. Наконец Танира вышла и сказала Валентину:

– Пойдем на второй этаж, охранник остается здесь, пойдем вместе с этим человеком.

И она указала на того, с кем вошла в маленькую комнату. Этот человек в черном сопровождал их на второй этаж. В коридоре был диван, все показалось Валентину каким-то нормальным. Они уединились, а человек в черном отошел в сторону по знаку Таниры, и она, обернувшись к Валентину, сказала:

– Теперь я расскажу, слушай внимательно. Этот человек, его зовут Тувий, очень важная персона, но он при смерти, он болен, и вылечить его очень трудно, но кое-что помогает, и знаешь что? Как ты думаешь?

Валентин оторопело посмотрел:

– Я не сведущ в медицине, тем более в медицине после конца света.

Танира улыбнулась:

– Кое-что помогает, но в частности, как ни странно, ему помогают звуки вашей речи. В его душе что-то меняется тогда.

– Нашей речи?

– Да-да! Русской речи, той, на которой говоришь ты и на которой умею говорить я благодаря моему отцу, великому жрецу и ученому.

Валентин развел руками:

– Каким образом?

– Сначала я случайно по какому-то наитию вдруг стала при нем говорить по-русски, вернее, читать ему. Я помню наизусть ваши стихи. И вдруг он повернулся ко мне, лежа в постели, и лицо его изменилось. Точно какая-то сфера покоя объяла его. Он улыбнулся. Этот человек никогда не улыбался вообще. Он улыбнулся и сказал мне: «Откуда эти звуки?»

Я объяснила ему. Все это было довольно рискованно, потому что есть закон, по которому чтение поэзии карается смертью. Но это старый закон. Он возник сразу, когда мы, вернее, наш народ зарождался. Сейчас этот закон не применяется, потому что никто не знает, что такое поэзия. Все забыли об этом. Но Тувий сказал: «Смотри, Танира, мы, конечно, над законом, мы элита, но то, что ты произнесла, – это преступление, но такое преступление очень помогает мне. Читай». И я стала читать. На что я обратила внимание? Я обратила внимание вот на что...

Валентин прервал ее:

– Ну хорошо, я-то при чем, ты же знаешь наш язык и можешь сама читать ему стихи по-русски.

Танира покачала головой:

– Да, но все дело, я думаю, в звуке. Мы же говорим не так, как ты. Твои интонации действуют на него еще сильнее. Я думаю, ваш язык обладает каким-то магическим свойством. Понимаешь, когда говоришь ты, – это мелодия, это музыка, это то, что у нас запрещено под страхом смертной казни. Ведь это твой родной язык, язык доисторического человечества. Если ты будешь читать ему стихи, я обещаю что тебя не коснется никакая угроза.

Упоминание об угрозе не подействовало на Валентина устрашающе, он и так часто подумывал о том, что хорошо, если Бог пошлет ему освобождение, но, конечно, не искусственным путем. Он смотрел в сторону и не знал, что сказать.

– Да, я согласен, – наконец выговорил он. – Я согласен. Пойдем. Где он?

Танира не встала, не пошла, она продолжала сидеть.

– И еще я тебе должна сказать. У нас есть религия, но это религия не для черни. Наш народ вообще не знает, что такое религия, и не думает об этом. Он знает, что есть невидимый мир как часть видимого мира, не больше, но есть особая вера, очень странная для вас. Это вера относится только, ну как тебе сказать, к тем, кто у власти, но среднего уровня – это вера в Понятного.

– То есть как, – спросил Валентин, – в какого Понятного?

– Очень просто, – в понятного им Бога. Может быть, это не Бог в их сознании, но Некто. Пусть он Некто, и вот этот Некто – Понятный, и они молятся Понятному.

Валентин проговорил:

– Я не знаю. Мне нечего сказать. Я растерян.

Танира продолжала:

– Но есть вера в Непонятного. Эта вера касается только избранных, иногда верхов, тех, кто правит. Есть храм Непонятного. И вот Тувий, он представляет очень высокий уровень правления страны, он иногда поклоняется Непонятному, это просто небольшое замечание, чтоб ты знал об этом. Все-таки он умирает, поэтому ты должен немного знать о нашей религии. Хотя, скорее, это вовсе не религия.

Они встали, и Танира медленно пошла по коридору. Валентин пошел за ней. Огромная дверь оказалась перед ними. Деревянная. Массивная. На дверях – лица странных существ. Охранник открыл дверь. Они вошли в почти круглую комнату. В глубине – кровать, на кровати Валентин увидел маленького человека. Собственно, видна была только его голова, голова, которая виднелась из-под одеяла, тело же под одеялом странно двигалось. Он был маленький, впрочем, как и большинство этих людей.

Голова этого человека показалась Валентину не только маленькой, но и какой-то синенькой, похожей на какой-то неопикуемый овощ, выросший где-то на другой планете, тем не менее это была голова: глаза блестели, рот был раскрыт и вел в черную бездну.

Танира сказала что-то по-своему. Он сделал жест рукой, и Танира указала Валентину на стул рядом с постелью, сама придвинула другой стол, такой же легкий, и села около Валентина. Она сказала ему:

– Ты помнишь, конечно, свои стихи, стихи твоего народа. Если даже не помнишь, просто говори, говори что хочешь. Главное, говори своим языком, ты слышишь?

Валентин, оцепеневши, молчал, и потом она бросила взгляд на Тувия, который лежал неподвижно, и взгляд его был устремлен прямо на Валентина. Он не сводил с него глаз, глаза были недвижимы, как смерть. Тогда Валентин собрался с духом и стал читать стихи, те, что приходили в голову. Он начал с Пушкина, потом вдруг Тютчев, Есенин, Блок, Лермонтов. Он помнил наизусть по крайней мере пятнадцать-двадцать стихотворений, но его настигло смятение. Он переходил от одного четверостишия к другому, читал какие-то отрывки, тем не менее произносил их с душой, вкладывая в эти звуки себя так, как будто бы он читал это там, далеко, тысячелетие назад в каком-нибудь кругу любимых им людей. Танира улыбалась,

она была довольна, и глаза ее, обычно темные, залились каким-то чуть-чуть нежным светом. Звуки русской речи лились и лились. Валентин уже произносил не стихи, а говорил что-то отрывочное, как в сновидении, лишь бы сказать.

Глаза Тувия посветлели, но бездна, которая была выражена на его лице, не сходила, и постепенно в эту бездну падал какой-то покой, падало то, чего не было и не могло быть в этом мире. Его тело стало немного вибрировать, чуть-чуть дрожать, но это была дрожь успокоения, даже какого-то легкого наслаждения.

Наконец рот закрылся, он улыбнулся, сказал:

– Хватит, – и обратился к Танире на своем языке: – Танира! Это напомнило мне о Непонятном, но мне стало легче. Этот пришелец нужен мне. Мы договоримся с тобой, когда его привозить. Я скоро умру, но я хочу, чтобы последние дни мои я слушал эту речь. А теперь идите, меня должны проводить в Храм Непонятного, туда, где мы обращаемся к нему, в тот маленький зал, и никому ни слова, конечно, о том, что делал этот человек. Он – человек...

Танира воскликнула:

– Да, да! Он человек, он пришелец из той страны, из того времени!

– Все может быть, все может быть, потому что мир создал Непонятный, поэтому может быть все, все, абсолютно все, что для нас непостижимо вообще! – Старик прикрикнул при последних словах, рот его открылся, ведущий в черную пропасть, он задрожал, посмотрел на Валентина и крикнул Танире: – Я не хочу умирать! Вообще не хочу, но пусть он приходит, я хочу слышать звуки эти, хочу слышать, идите! Идите!

Танира резко встала, и они с Валентином вышли из зала.

...На обратном пути машина с Валентином и Танирой остановилась у развилки дорог на окраине. Дикая, огромная стая детей лет двенадцати-четырнадцати, вооруженных в основном железными прутьями, напала на машину. Искаженные злобой лица, уродливые от абстрактной ненависти... Но Танира увеличила скорость, и удалось избежать опасности.

Глава 7

– К Непонятному меня, к Непонятному, – завыл Тувий на следующее утро, как только проснулся.

Его снова отнесли в домашний храм Непонятого. Тувий выл, стоя на коленях. Потом стучал кулаками об пол. Обессиленного, его унесли в постель, и он заснул. Но не совсем, больше дремал, и в уме вдруг опять зазвучал отзвук доисторической русской речи...

– Валентин... Его имя Валентин, – прошептал Тувий.

Вдруг опять... поднялась ярость. Он позвонил.

– Звони Фурзду и попроси его приехать, – приказал вошедшему хромоту человеку.

Фурзд, громадный и толстый, сидел в одном из своих тайных кабинетов в подземном особняке. Он гладил свой живот и думал. Завтра доклад Правителю, самому Тетрапу. Нужно выбрать то, что вызовет у Правителя судорогу наслаждения. Он изменчив, но есть основа. Пора... пора!

А что точно пора, Фурзд еще не знал. «И даже Танира не знает этого, – подумал он, – главное, не смотреть в зеркало».

Зеркала были запрещены во всей стране, по всей Ауфири. За нарушение – если кто-то хранил зеркало – выжигали глаза. Этот старый закон был принят давно, ибо считалось, что, если человек смотрит на себя в зеркало, он начинает сомневаться в своем существовании. Когда еще зеркала не были запрещены, многие ауфирцы, когда видели свое отражение в зеркале, начали сомневаться, что это они. Они начинали особым образом выть, сомневаясь в своем существовании. Это приближало их к несуществующим, но несколько в другом ключе. Началась настоящая эпидемия несуществования, и поэтому возник запрет на зеркала. Но люди власти сделали исключение для себя, как ауфирцев сильной воли. Им было разрешено, но не рекомендовано.

Фурзд давно не смотрел на себя в зеркало. Правда, когда на днях мельком взглянул, то решил, что видит не себя, а черта. Бесы вообще при определенных условиях мелькали с молниеносной видимостью то там, то сям в доме.

Фурзд не придавал этому глобального значения. Бесы всегда были и будут. Его интересовала власть. Но ради чего? Ради самой власти – скучно. Фурзд не выносил ауфирской черни и ее поклонения. «Их дело – нас выбирать, – говорил он, – согласно закону о выборах, но выбирать кого надо, то есть нас. И при этом обязательно считать, что это она, чернь, управляет страной, а не ею управляют. Свобода прежде всего, – ухмыльнулся он, – но некоторые из нас любят народ». Теперешний Правитель, например. И его любят...» И тут Фурзд захохотал так, что из-за маленькой двери в углу высунулся испуганный прислужник и скрылся.

– Знаем, знаем характер этой причудливой любви... Иго-го! Иго-го! Такого еще не было в этой стране.

Фурзд встал и потянулся. «Надо проверить Дом первого безумия», – решил он. В это время позвонили. Он взял изящную телефонную трубку. Его просили срочно заехать к Тувию.

...Тувий лежал, закрыв глаза.

– Это ты, Фурзд? – тихо спросил он.

– Я рядом, – ответил Фурзд.

Он сидел на стуле и своим неподвижным властным взглядом смотрел на Тувию.

Это почти мертвое лицо открылось Фурзду, и Тувий медленно проговорил:

– Фурзд, ты знаешь, какой я влиятельный человек, какие у меня ключи, но мне плохо, я хочу сказать тебе некоторые вещи, слушай меня.

– Я слушаю внимательно, я весь готов слушать тебя.

Тувий повернулся к нему всем своим телом, всем своим существом.

Фурзд напрягся и впился взглядом в лицо Тувия. Тувий продолжал:

– Танира приводила ко мне пришельца. Он читал стихи.

Фурзд откинулся:

– Стихи?

– Да, да, стихи, поэзию. Ты знаешь, что это такое?

– Я знаю, что за это полагается смертная казнь, но к нам это не относится. Продолжай, Тувий.

– Так вот он, этот пришелец, говорил на своем языке, и, знаешь, Фурзд, мне стало легче.

В их языке что-то заключено, чего нет у нас, и не только у нас.

– В каком смысле тебе стало легче, Тувий? – спросил Фурзд.

– Мне стало легче на сердце, на душе, вот так.

– И что ты хочешь этим сказать, Тувий?

– Я хочу этим сказать, что от смерти это все равно не спасет, но главное, что я хочу тебе сказать, этот пришелец навел меня на эту мысль окончательно, я хочу сказать, что в нашей стране надо что-то менять.

– Менять? – лицо Фурзда насторожилось, взгляд стал еще более напряженным.

– Да, да, менять. По моим данным, – ты знаешь, мои данные очень верные, – народ на грани: он сумасшествует, он слишком сумасшествует, крайностно, Фурзд, больше, чем надо, он скоро перейдет возможное.

Фурзд вздохнул.

– Наконец, Земля, наша планета, не в порядке, ты знаешь об этом, Фурзд. Но в последнее время она совсем взбесилась. Надо что-то менять. Я не знаю что, но за тобой стоит сила, и ты должен повлиять на нашего Правителя. Но я болен, и я не знаю, что точно надо менять. Но скорее всего надо менять души людей, их сознание, вот что надо менять. Что-то такое очень важное. Да, да, что-то оставить, но что-то менять. Тогда будет легче.

Фурзд с любопытством посмотрел на Тувия и подумал: «Он умирает, а думает о стране. Что с ним?»

Тувий продолжал:

– Фурзд, ты знаешь, конечно, у тебя есть соперник. По силе влияния на Тетрапа он даже чуть-чуть превосходит тебя. Я имею в виду Зурдана. И я знаю, что Зурдан тоже хочет что-то изменить, но он хочет изменить к лучшему.

– Он хочет к лучшему? – удивился Фурзд.

– Да, да, к лучшему. Он хочет, чтобы наш народ стал страшнее беса, страшнее чертей, и тогда мы перейдем грань, тогда будет что-то качественное, такое глубоко ядовитое.

Лицо Тувия побледнело, и некая тень вошла в него.

Фурзд опять вздохнул:

– Я догадываюсь об этих планах, но, по-моему, я думаю, это слишком. Зурдан жесток, слишком жесток. Все становится слишком в нашей стране.

Тувий посмотрел на него:

– Да, конечно, но ты измени дело к худшему, а не к лучшему. То есть ты смягчи, смягчи людей, смягчи их мозг, смягчи мозг или душу, смягчи, вот что надо сделать!

Тувий терялся в словах.

Фурзд увидел, что он умирает. Он хотел позвонить, но Тувий остановил его.

– Не надо, Фурзд, не надо, да, да, смерть пришла, не надо, я хочу умереть, чтоб ты это видел и чтоб ты все изменил. Дай мне зеркало, оно там. Видишь, потайной ящик открыт, там. – Тувий указал.

Фурзд, подчиняясь воле умирающего, встал, подошел к ящику, взял зеркало, небольшое простое зеркало и отдал его Тувию.

Тувий медленно поднес зеркало к своему лицу, глаза его открылись, и он вскрикнул:

– Ужас! Но это я!

Вдруг в этот момент судорога прошла по его телу, и неземной холод вошел в него, глаза закрылись – он мгновенно ушел, умер.

Фурзд позвонил; вошел врач, слуги, охрана. Фурзд отдал последние приказания, а сам быстро ушел. Все было кончено. Он вернулся опять в свой кабинет и заперся там. Ему нужно было подумать. Подумать о чем? Конечно, о том, что сказал Тувий. Фурзд был готов к этому разговору. Еще до этой последней встречи Тувий неожиданно передал ему пакет, где были коды его команды, шифры, имена и распоряжения о том, что после смерти Тувий отдает Фурзду власть над своими людьми. Значит, Тувий чувствовал что-то заранее.

Фурзд задумался.

Кабинет Фурзда был весьма прост. Стол, стулья, шкафы, сейфы, тайники, кресло, в котором он обычно сидел, но слева у окна был гигантский скелет игуанодона. Фурзд нажал на кнопку, вошла девица времен после конца мира. Он указал ей пальцем на диван:

– Ложись.

Она легла. Облегчив свое тело, Фурзд встал и сказал ей:

– Иди.

Опять сел в кресло и повернул свою голову в сторону игуанодона. Долго и тупо смотрел на скелет, потом вздохнул, как будто он глядел на луну, и вынул бумаги, лежавшие где-то в столе.

По большому счету нужна полная переориентация. Фурзд вспомнил свои беседы с Вагилидом – он брал у него уроки. У него, у Вагилида, которого по своей должности он обязан был уничтожить. Но эти уроки потрясли его. Вагилид рассказывал ему о доисторическом человечестве, о людях, которые знали свет, духовный свет. Фурзд поморщился. «Да, но наше человечество не знает этого света». Вагилид же говорил, что если мы можем как-то, каким-то невероятным способом узнать этот свет, то только познав тьму. Фурзд задумался опять, глаза его то темнели, то светлели, то наливались каким-то окаменелым огнем. Вдруг он вспомнил стих, который ему читал Вагилид:

И мне поведал старый дьявол,
Что есть под адом тьма одна,
И в этой тьме познал я славу,
Страшнее ада та страна.

Фурзд знал значение этих слов. Вагилид перевел их, объяснил многое. Да, действительно, и его ориентиры, как темные кровавые копыя, указывают ему на то, что под адом есть страна, особая страна, и если мы, новое человечество, обречены на ад, то нам нужно и можно про-рваться туда, под ад, в ту страну, о которой Вагилид сказал:

– Там тьма страшнее ада, но это последнее, что возможно, и в этом последнем, в существо, живущее там, может войти свет, и там рождаются монстры, которые наполнены крайним мраком и светом одновременно. Такие там существа, и мы можем стать такими. Это выход для нас, – говорил Вагилид. И Фурзд глубоко запомнил эти слова.

Из магических операций, которые проводились в его стране, он узнал то, о чем говорил Вагилид. Да, да, он верил в то, что под адом есть та страшная спасительная страна, где тьма перемешана со светом. Откуда дальше вниз уже некуда идти, и поэтому свет падает, неизбежно падает туда, в эту последнюю тьму. Так говорил Вагилид. Фурзд вспоминал его слова, вспоминал какие-то другие моменты, магические действия, в которых он принимал участие. Вот

такой должна быть переориентация мировоззрения. Он встал, подошел к скелету игуанодона и лизнул его. Потом прошелся по кругу в своем кабинете, сел на диван, где лежало девять последних донесений. Глаза его опять наполнились окаменевшим гневом. Но как это сделать? Просто знать, что есть такое явление, недостаточно. Надо же идти туда и изменить сознание. Вот что нужно. Но он, Фурзд, бессилён это сделать, и Вагилид тоже. Вагилид говорил, что есть только намеки на эту страну под адом, но намеков недостаточно, чтобы сменить ориентацию мировоззрения всего народа, чтобы знать, как это делать – идти туда, под ад. Фурзд опять встал, подошел к скелету игуанодона, положил свою тяжелую руку на шею чудовищу и посмотрел в окно. Там где-то мелькали зеленые и синие огоньки. «Что делать?» – подумал он. Убедить Тетрапа, ведь Тетрап умный человек, он умело балансирует, он хороший правитель, но у него столько слабостей, столько причуд. Фурзд вздохнул. Зурдан. Зурдан ждет своего момента. Скоро, или не так уж скоро, но выборы впереди, две силы будут бороться. Фактически они одинаковы, конечно, – усмехнулся Фурзд, – но качества вождей разные. Борьба будет жестокая, однако Тетрап, наверное, победит... Он встал, открыл дверь, ведущую в какую-то полутьму, где уже никого не было, там было пусто. Он закрыл дверь и сел опять в кресло.

«Из этой ситуации может быть один только выход: если вдруг среди этого народа, среди этого нормального безумия появится вдруг Мессия, – подумал он, – и он укажет нам путь под ад или какой-нибудь еще путь, который выведет нас из того положения, в котором мы, остатки человечества, оказались». «Нет-нет-нет-нет», – сказал он себе. Фурзд посмотрел на часы: да, скоро ему ехать на стадион, где будет Тетрап. Это закрытый стадион, не для всех, большой и вместительный, там много разных людей будет. И главное – сам Тетрап. И он во власти своих лошадок.

Надо знать, чтобы объяснить эту ситуацию, что в этой стране, Ауфирь, выводились маленькие особые лошадки, сексуальные лошадки для использования их с этой целью элитой, избранными, имеющими власть, и народ знал это и относился к этому очень позитивно, одобрительно. Так, мол, и надо, но когда народ узнал, что их правитель любит этих лошадок, что он без ума от них, что он использует их днем и ночью, что он поглощен этими маленькими лошадками, восторгу народа не было конца. Тетрап действительно обожал этих лошадок, он менял их, ему привозили особей разных мастей. Эти странные сексуальные животные. Покорные практической воле человека, они были смиренны, и Тетрап поклонялся им! Он устраивал пиры, на которые приглашал, вводил этих лошадок. Они сидели рядом с ним, и народ знал об этом и аплодировал ему, Тетрап придумал состязание для тех, кто владел такими лошадками. Хозяева должны были садиться на них и скакать по кругу на стадионе. Эти лошадки были выносливы. Да и сами ауфирцы были невысокого роста. И такие соревнования устраивались два-три раза в год. Народ же восторгался своими избранными. Такова была реальность. Фурзд вздохнул – сам он не пользовался лошадками, не до того ему было. Но необходимо идти на праздник. Сначала будут лошадки, во главе сам Тетрап. Вероятно, всё устроят так, что он будет победителем. Он со своей лошадкой опередит остальных. Фурзд решил ехать заранее, вышел, взял охрану и двинулся. По мере того как он приближался к стадиону, машину оставляли чаще, потом он услышал гул – стадион был уже наполовину полон. Фурзд быстро прошел в свою ложу. Ложа была пустой, Фурзд был первым. «Что особенного дал Тетрап этому миру? – подумал он. Разумеется, лошадок, лошадок, которые сводили с ума некоторых избранных.

Что дало народу в сущности правление Тетрапа, – продолжал Фурзд. – Первое – бесконечный спорт: прыгуны, скакуны, плевуны... Второе – понятие о стране счастливых каннибалов, связь с ней. Конечно, осуществляются магические операции, узкий круг, это дело весьма тонкое, рвущееся... И ведь это один из регионов ада. Да, эти существа там счастливы, они вливают в себя человеческую энергию, силу... И они могут жить долго. Но у этого региона одна особенность – там нет религии, и там нет вертикали. Так говорит Вагилид. И когда само

существование этого региона заканчивается, а оно не вечно, эти счастливые существа лопаются, как водяные пузыри... И все... Но народу наплевать на отдаленный результат, они хотят насладиться – сейчас, сейчас... И требуют контакта со счастливым адом».

Пока Фурзд раздумывал таким образом, ложе заполнялось. «Пришли даже два делегата из Страны деловых трупов», – заметил Фурзд про себя. Так Вагилид называет эту страну. Они безразличны ко всему, кроме шелеста денег и работы. Они работают как заведенные, как зверороботы, строят, строят, строят, не обращая внимания на то, что земля дрожит, трясется и конец не за горами – а они строят, строят. Я провел там немного времени и чуть не умер от мертвечины...»

Но поток мыслей Фурзда прервал гонг. Начались состязания. Сначала выскочили лошадки со своими мужьями. Выстроились в рядок. Во главе – сам Правитель страны Террап. Лошадки виляли задами и точно слились сексуально со своими хозяевами. Но когда прозвучал гонг, они понеслись. Ладненькие, красивые, толстенькие – они не бежали, летели, как женщины, – стремительно и нежно. Лошадка Террапа вся вспотела, не то от бега, не то от присутствия хозяина и мужа – и первая доставила его к финишу.

Стадион встал, толпа неистовала, люди кричали, визжали, стонали от радости.

Террап стоял на подмостках и поднял руку вверх как победитель. Лошадка стояла рядом и помахивала хвостом. Потом начались состязания. Сначала прыгунов, потом скакунов и бегунов, затем – плевунов, кто дальше всех плюнет, (кто съест больше котлет) (кто сильнее дернет себя за нос) и так далее до бесконечности. Правительство поддерживало спорт. Фурзду неудобно было уходить, пока не появился Террап. И он появился. Лицо его походило на морду рептилии эдаким внутренним сходством. Губы часто пришептывались, и длинное лицо как-то вытягивалось при разговоре.

Террап подошел к Фурзду. Фурзд встал, они пожали друг другу руки. Террап сразу отошел к другим, а потом вскоре исчез, уехал, покинул народ. «Психология элиты, в сущности, мало чем отличается от психологии народа, – подумал Фурзд, – за исключением нескольких человек». Воспользовавшись уходом Правителя (Президента), Фурзд совсем не демонстративно, а осторожно ушел.

Возвращаясь домой, он вспомнил слова Тувия о пришельце. «Надо призвать Таниру, загадочную дочь своего отца, и пришельца ко мне, – решил он. – Надо бы поговорить с этим пришельцем всерьез». А когда почти подъехал к дому, захохотал, громко и как-то грозно, когда в уме всплыл извивающийся зад лошадки Правителя. И этот хохот продолжался до двери в спальню, где его ожидали, лежа в постели, двое голых молодых парней – из Страны деловых трупов, купленные Фурздом и перевоспитанные, по существу, до кончиков волос.

Глава 8

Валентин целый день приходил в себя от такого путешествия. Танира покинула его. В их лагере Потаповы встретили Валентина по-прежнему радушно, угостили ужином, и он, почти убитый этим миром, лег спать, а на следующий день как будто бы все изменилось. Потаповы жили определенным, старорежимным, можно сказать, распорядком дня. Все было на месте, все было аккуратно и по душе. Утром молитва, завтрак, работа. Оказалось, в саду близ этого дома было что-то похожее на огород, и Сергей копался в этом огороде, помогал Даше. Все это означало какую-то нормальность. Огород, правда, был неким подобием огорода, и тем не менее что-то там росло. Сергей тогда сказал Валентину:

– Валя, это спасает, иначе я бы сошел с ума. Потаповы спасли меня тем, что ввели этот древний великий порядок дня: молитва, завтрак, работа, а после работы обед. Потом, ты учти это, Валя, обязательно послеобеденный сон. Это так помогает. Вдруг в сознании возникают какие-то мысли, образы того века, из которого мы пришли. Все это так умиляет душу, что на минуту остальное кажется сном. Потом мелкие заботы по дому, они всегда есть, старикам ведь надо помогать, – продолжал Сережа. – Обязательно полдник и что-то вроде чая. Нормального чая здесь нет, но есть какие-то намеки. После чая отдых, беседы, прогулки. Мы избегаем, конечно, идти туда, где безумная Юлия.

– Кто она такая? – спросил Валентин.

– Это трагическая история, девушка из XX века. Она попала сюда при мне, когда я уже был здесь, – ответил Сергей, – на моих глазах. Она не выдержала, хотя она и была верующая. И как-то молниеносно на глазах сошла с ума. Но сошла с ума, сохраняя свой ум. Она живет одна, и в глазах ее нет ощущения бедствия. Не знаю, может быть, кто-то ведет ее изнутри, не могу понять, как она жива. Мы относим ей еду и все, что надо. Но общаться с ней трудно, особенно Потаповым. Я-то поэт, для меня безумие – поэзия, – продолжал Сергей.

Действительно, Потаповы, которые вносили строгость в распорядок дня, посоветовали Валентину присоединиться к Сергею там, в огороде. Валентин с удовольствием согласился. Вместе они что-то копали на грядках, и казалось, что это не какой-то век после конца мира, а чуть ли не подмосковная дача. Но иллюзии рассеивались быстро: то птицы кричали бесподобными, совершенно не птичьими голосами, то деревья вызывали какой-то странный невольный страх. Издалека, из-за деревьев, доносились крики безумной Юлии. Но все же, все же... Валентин произнес про себя:

«Да, благодаря Потаповым здесь можно не сойти с ума, можно жить».

За обедом шутили, и Потаповы явно намекнули на одно обстоятельство: Даша подрастала. Надо бы ей замуж. Единственной кандидатурой был, конечно, Сергей. Валентин появился потом. Да и он еще не привык и немного был другой. «А Сергей, – думал Потапов, – хоть и немножко шальной, но все равно православный и очень даже подходит, да и в конце концов надо жить так, как будто ничего не произошло. Господь тогда простит нас и выведет туда, где наше место, которое мы заслужили. Да и за обедом было видно, как Дашенька краснела, когда обращалась к Сергею, и Сергей был ответно нежен с ней. Это так умиляло Валентина, что он опять впадал в состояние, когда словно и не было никакого конца мира и никакого полуада вокруг. Он представлял себе возможное венчание в этом полуаду. «Вот это будет красота, вот это будет победа. Брак в аду, заключенный на небесах, – это действительно что-то, чего не было», – думал Валентин. Так прошло два дня. На третий день явилась Танира. Она пришла, красивая, быстрая, даже стремительная, появилась в доме, словно зажегся свет иной. Валентин вздрогнул, увидев ее. Танира улыбнулась и сказала:

– Валентин, еще одно путешествие со мной. Ничего страшного, вы всегда в безопасности.

Опять улыбнулась. Валентин, который этой ночью переживал все изгибы той странной беседы с Тувием, спросил ее:

– Мы едем к нему, к Тувию?

– Нет. Тувий умер.

– Умер? – спросил Валентин.

– Да, умер, мы, как и вы, умираем, – опять улыбнулась Танира. – Мы едем к еще более важному человеку. Просто для разговора. Он хочет побеседовать с тобой. Я буду переводчицей. Я буду рядом с тобой.

И она сделала какое-то невольное движение в его сторону. Валентин заметил это. Ему стало легче и страшнее. Они вышли, простились с Сергеем и Потаповыми и вскоре опять покатили по пустынной дороге в столицу. По пути Танира призналась Валентину:

– Ты знаешь, я сегодня убила человека.

Валентин похолодел:

– Как убила? За что? Почему?

Танира удивилась:

– Ты еще ребенок. Все было по закону. Ничего против закона я не совершила. Я утром рано шла по дороге на окраине города, вдали лес начинался, и встретила человека. Я всегда вооружена, увидела и убила его.

Валентин не знал, что сказать:

– Увидела и убила? Достаточно увидеть, чтобы убить?

– Именно. У нас есть такой закон. Если ты встречаешь где-то в одиноком месте, на дороге, на окраине человека, одного человека или даже группу людей, и ты видишь и чувствуешь, что этот один может тебя убить, или изнасиловать, или совершить что-то еще, а это часто бывает у нас, то ты имеешь право, даже не будучи полностью уверенным в том, каковы будут его действия, убить его. Убить, чтобы спасти себя.

Валентин ничего не ответил.

– Ты молчишь? Но я поступила нормально, так поступают все. Я почувствовала, что этот человек может представлять опасность для меня. Так часто бывает на наших дорогах. Идешь – и встретишь свою смерть, и поэтому закон разрешает предотвратить собственную смерть другой смертью. Иногда выхода нет, у нас часть убивают на дорогах, я защищала себя и больше ничего.

– Но ведь он... но ведь он не проявлял... – запнулся Валентин, – но ведь он ничего еще не сделал...

– Если бы он что-то сделал, он сделал бы это молниеносно. Я была бы убита. Нет, я хочу жить. И я убила его. Это нормально, все по закону.

Валентин вздохнул:

– Однако же и законы у вас...

Танира засмеялась:

– Каков мир, таков и законы. Ничего нельзя сделать, мы живем в таком мире. Я хочу жить, и знаешь для чего?..

Дальше они ехали молча.

Валентин чувствовал какое-то дикое отчуждение от Таниры. Она убийца, и в то же время в душе и даже в телесной оболочке рождалось какое-то потаенное стремление к ней, какой-то потаенный сдвиг, как будто она сама была тайной.

Танира смотрела на него добродушно и со снисхождением. Скоро подъехали к огромному зданию.

– По-нашему это дворец, – сказала Танира.

– Довольно мрачно для дворца, – проговорил Валентин.

Но они прошли через охрану, через другую охрану, через коридоры, пока не попали в роскошную не то спальню, не то кабинет. В этой комнате было три дивана, большие кресла, круглые столики, совсем как до конца мира. В кресле уютно и мрачно сидел Фурзд. Перед ним был не круглый стол, а длинный прямоугольный столик и рядом диван. Жестом он пригласил сестр Таниру и Валентина. Никаких угощений, никаких проявлений симпатии, все сухо и как-то мрачновато, гостеприимство в чем-то выразалось, в чем-то, но мрачновато.

Танира на своем языке представила Валентина.

– Да, я именно с ним хотела поговорить. Ты переводи быстрее и точнее, – сказал он Танире.

– Дочь Вагилида знает свое дело.

Фурзд взглянул на нее:

– Да, дочь Вагилида, – он качнул головой: – Мой первый вопрос. Что самое страшное пережил в жизни этот человек, пришедший к нам, как ты говоришь, и Вагилид говорит то же самое? Это человек, пришедший из доисторического человечества до конца мира. Так ведь? Он пришел оттуда, где еще было много времени до конца мира, так ведь? Но что же он пережил самое страшное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.